

Ранним осенним днём солнечные лучи пробивались сквозь узорчатые переплеты окон, оставляя на кирпичном полу кабинета в Восточном дворце мелкие светлые пятна. Воздух был пропитан тонким ароматом чернил и едва уловимой прохладой.

Сяо Цзинъянь стоял у окна. В руках он держал свиток с историческими записями, но взгляд его был далек от текста. В памяти всё ещё всплывала сцена у ворот дворца, где утром второй принц Сяо Цзинхун, лихо управляя конем, осыпал его насмешками. Звук копыт, казалось, отдавался не на каменных плитах, а в самой груди, отчего становилось нестерпимо душно. Он прекрасно понимал: это лишь самая ничтожная из бесконечных провокаций его дорогого брата.

Сяо Линьцзы, стоявший поодаль, опустил голову. Он замер, словно безмолвный предмет интерьера, и лишь когда изредка бросал быстрый взгляд на плотно сжатые губы наследного принца, в его чересчур ясных глазах мелькала тревога. Он только что привел в порядок рабочий стол, который пришел в беспорядок после того, как принца задела слова Сяо Цзинхуна, и двигался он при этом почти бесшумно.

Снаружи слышались торопливые шаги. Молодой евнух, согнувшись, поспешно вошел в кабинет, и в его голосе сквозило беспокойство:

— Ваше Высочество, пришел евнух Сунь из дворца Благородной супруги Чжоу. Он передал, что госпожа приглашает вас к себе — якобы ей доставили несколько рулонов облачной парчи из Цзяннани, и она хочет, чтобы вы тоже взглянули.

Рука Сяо Цзинъяня, державшая книгу, едва заметно дрогнула. Благородная супруга Чжоу? Приглашает его именно сейчас?

Он медленно обернулся. Лицо его уже обрело привычную мягкость и спокойствие, но в глубине глаз затаилась тяжесть.

— Понятно, — произнес он ровно, не выказывая эмоций. — Передай евнуху Суню, что я скоро буду.

Евнух поклонился и вышел. В кабинете воцарилась тишина. Сяо Линьцзы сделал шаг вперед и прошептал:

— Ваше Высочество, приглашение госпожи в такой момент — боюсь, это не просто ради парчи.

Уголки губ Сяо Цзинъяня дрогнули в едва заметной усмешке, в которой сквозила самоирония:

— Разумеется. Стоило мне потерять лицо, как мать тут же решила прийти на «утешение»? — Он отложил книгу и поправил скромные одежды. — Идем. Нельзя заставлять её ждать.

Сяо Линьцзы молча последовал за ним, держась на почтительном расстоянии. Его взгляд скользнул по спине принца — внешне расслабленной, но на деле напряженной, как натянутая струна, — и тревога в его сердце лишь усилилась.

Во дворце Чанчунь пахло тяжелыми благовониями, что разительно отличалось от прохлады Восточного дворца. Благородная супруга Чжоу ждала его не в главном зале, а в теплых покоях. Она полулежала на кушетке, обитой мягким шелком, пока две служанки разминали ей ноги.

Увидев Сяо Цзинъяня, она не поднялась, лишь лениво приподняла веки, и на её лице расцвела идеальная улыбка:

— Цзинъянь, ты пришел. Садись скорее. Мне тут доставили отличный чай, попробуй.

Она прекрасно выглядела для своих сорока лет — не дашь больше тридцати. Красивая, величественная, но в глубине её глаз таился холодный расчет, подобный искусно отшлифованному нефриту: красиво, но бездушно.

— Приветствую вас, госпожа, — Сяо Цзинъянь поклонился с безупречной вежливостью и сел на предложенный табурет, держась прямо, но с едва заметной скованностью.

Сяо Линьцзы опустил голову и замер в тени угла, стараясь стать незаметным. Он смотрел в пол, но чутко ловил каждый звук в комнате.

Служанка подала чай. Благородная супруга Чжоу отпустила массажисток, и в покоях остались только они трое.

— Попробуй, это вчерашний дар императора. Говорят, первая весенняя партия Дахунпао с гор Уи, большая редкость, — проговорила она доверительным тоном, словно обычная старшая родственница, ведущая светскую беседу.

Сяо Цзинъянь послушно поднес чашку к губам, пригубил и похвалил:

— И вправду, вкус густой и свежий. Благодарю за угощение, госпожа.

Благородная супруга Чжоу тихо рассмеялась, медленно постукивая крышкой чашки о край:

— Мы с тобой уже давненько не виделись. Слышала, ты в последнее время всё больше в Восточном дворце, за книгами да письменами, почти не выходишь? Молодому человеку не пристало всё время сидеть взаперти.

Она говорила мягко, будто из заботы:

— Твой брат, Цзинхун, натура порывистая. Утром он не потревожил тебя? Его избаловали император и его дядя, вот он порой и ведет себя опрометчиво. Я обязательно поговорю с ним. Ты ведь старший, не держи на него зла.

Сяо Цзинъянь опустил чашку и прикрыл глаза:

— Вы слишком строги к нему, госпожа. Второй брат просто прямолинеен, я не принял его слов близко к сердцу.

— О? Ну и хорошо, — кивнула она. Её взгляд, казалось, случайно упал на него — мягкий, но давящий. — Братья должны жить в согласии. Император сейчас в расцвете сил, вы оба — его опора. В будущем вам предстоит вместе укреплять государство Великая Инь. Разве не так?

Сяо Цзинъянь почувствовал, как этот взгляд, словно тонкая игла, прощупывает его реакцию. Сохраняя спокойствие, он ответил:

— Ваши наставления верны, я буду помнить о них.

Супруга Чжоу, похоже, осталась довольна его покорностью, улыбка её стала шире, но тон внезапно изменился:

— Знаешь, Цзинъянь, ты слишком уж спокоен. Не то что Цзинхун: целыми днями то с мечом, то с копьем, всё рвется на границы, хочет заслужить славу для отца. Пусть он и горяч, зато полон искреннего рвения.

Она сделала паузу, и её голос стал многозначительным:

— В дворце и за его пределами все смотрят на вас. Трон наследника — основа государства, и занимать его должен тот, кто обладает и добродетелью, и талантом, способный разделить тяготы правления. Если же целыми днями лишь погружаться в книги, не вникая в мирские дела, люди начнут судачить, что... ну, не хватает ответственности.

Она вздохнула, словно жалея его:

— Император любит тебя, но как правитель он обязан ставить интересы страны превыше всего. Разве я не права?

Пальцы Сяо Цзинъяня в рукавах сжались. Каждое слово супруги Чжоу звучало как забота, но на деле было ударом. Она напоминала ему о «деятельном» втором принце и его собственной «пассивности», намекая, что трон не так уж незыблем, а любовь императора имеет цену. Она прямо предупреждала: бездействие — это признак несоответствия занимаемой должности.

Он поднял глаза, встречая её острый взгляд:

— Я человек недалекий, поэтому могу лишь усердно учиться, чтобы не обмануть ожиданий отца. А досужие разговоры... чист тот, чья совесть чиста.

Супруга Чжоу улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз:

— Усердие — это хорошо. Но порой излишнее усердие заставляет людей задуматься: не слишком ли сильно ты стараешься? В этом дворце ветер перемен дует быстро. Сегодня тебя хвалят за спокойствие, а завтра назовут скрытным. В конечном счете, тише едешь — дальше будешь. Ты умный мальчик, Цзинъянь, должен понимать, что я имею в виду.

Аромат в комнате стал удушливым. Сяо Цзинъянь чувствовал, как холодное давление обволакивает его со всех сторон. Костяшки его пальцев, лежащих на коленях, побелели от напряжения, но на лице застыла вежливая улыбка:

— Ваши слова — золото, я всё понял. Буду и впредь помнить о своем долге и не совершу ошибки.

Супруга Чжоу внимательно изучала его лицо, словно пытаясь найти трещину в маске спокойствия. Наконец, она удовлетворилась и снова откинулась на подушки:

— Хорошо, что понимаешь. Я ведь о тебе забочусь. Ладно, вон там парча, выбери пару рулонов для Восточного дворца. Молодым людям не стоит одеваться так просто.

Это был знак, что аудиенция окончена.

Сяо Цзинъянь поднялся и поклонился:

— Благодарю за милость, госпожа, я откланиваюсь.

Он вышел из теплого, душного дворца Чанчунь. Прохладный осенний ветер коснулся лица, но облегчения не принес. Он шел по дворцовой дорожке с прямой спиной, и только Сяо Линьцзы, следовавший на полшага позади, видел, как дрожат его пальцы, скрытые широкими рукавами.

Вернувшись в кабинет и выслав всех слуг, Сяо Цзинъянь едва не пошатнулся. Он ухватился за край стола из сандалового дерева, побелев пальцами.

Он закрыл глаза, пытаясь выдохнуть холод и унижение, сжавшие грудь. Когда он открыл их снова, в них плескалась темная, тихая вода.

Сяо Линьцзы молча подал чашку теплой воды. Сяо Цзинъянь не принял её, глядя на заходящее солнце:

— Она права... Только тихая жизнь, возможно, позволит прожить дольше.

Сяо Линьцзы, глядя на узор кирпичей под ногами, негромко произнес:

— Ваше Высочество, иногда шаг назад — это не трусость. Это способ увидеть путь яснее, чтобы... потом увереннее идти вперед.

Сяо Цзинъянь резко обернулся к нему.

Сяо Линьцзы, не поднимая головы, добавил:

— Только что я заметил, что, пока госпожа говорила, её главная служанка тихо вышла. А когда вернулась, едва заметно кивнула госпоже.

Взгляд Сяо Цзинъяня стал острым:

— Ты хочешь сказать?

Сяо Линьцзы наконец поднял глаза — ясные и глубокие:

— Мне кажется, слова госпожи сегодня были не просто предупреждением. Возможно, она не только прощупывала вашу реакцию, но и готовила какой-то ход. Та парча... возможно, это не просто подарок.

За окном последние лучи солнца скрылись за дворцовой стеной, и сумерки, словно чернила, быстро залили всё вокруг. В Восточном дворце один за другим зажигались фонари, но свет их не мог разогнать тени заговоров, зреющих в глубинах покоев. Этот визит за парчой стал негласным сигналом, предвещающим, что в наступающей тьме поднимается новая, скрытая буря.

<http://bllate.org/book/21784/2252694>